

Андрей Камов

МЫ

Дневник офицера
императорского флота

16+

Андрей Камов

Мы

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Камов А.

Мы / А. Камов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Книга основана на рассказах, легендах и реальных исторических событиях. Насколько правдиво - решать вам, прочитав произведение. Загляните в библиотеку, ознакомьтесь с историей этого удивительного, порой загадочного и красивейшего края. А лучше, приезжайте и убедитесь сами. Все это вполне могло быть...

Андрей Камов

Мы

Предисловие

Лето 1986 года. Я офицер ВМФ Советского Союза. Закончил Калининградское ВВМУ им. М.В. Фрунзе. По распределению попадаю на один из кораблей радиоразведки, бороздящего моря и океаны под видом гражданского научно-исследовательского судна. «Охотимся» за различными надводными и подводными объектами предполагаемого противника, перехватываем, дешифруем, дезинформируем и т.п. игра взрослых мальчиков...

Одеты, кто во что горазд: вьетнамские шлепанцы, шорты, футболки с олимпийским мишкой, несуразные панамки и всякого вида платки под пиратов. И главное разрешено отпускать длинные волосы и даже бороды. А так как одевались мы все на складах ВМФ, то конечно же большого разнообразия в одежде не было. Но пытались создать видимость гражданского «научника».

Система советская постепенно трещит. Наступают «90-е». После различных переподготовок и академии, в 1992 году в звании капитана 3-го ранга, я попадаю помощником морского атташе в Канаду, в город Оттаву. Что это? Удача? Или кто-то сверху все-таки управляет? Я должен был попасть сюда, но до тех пор не представлял, как это должно было произойти. И вот я иду к цели, к решению той задачи, которую мне задали еще в детстве.

Не вдаюсь в подробности работы, она не имеет к повествованию особого отношения. И вот беру командировку в Монреаль для доставки каких-то «сверхов». Конечно же обо всех отклонениях на маршруте я должен докладывать – бюрократия и контроль жестче, чем в других ведомствах. Оно и понятно – «СЕКРЕТ» и нахождение на территории потенциального противника. Уже в 11 утра добираюсь из Оттавы до места. С одним молодым офицером из консульства в Монреале – его направляют в городок Роудон – я выезжаю для так называемого прикрытия, а скорее для надзора за ним. Доверяй, как говорится, но смотри в оба или за друг другом. У него какая-то конспиративная встреча, а я то, тоже знаю, что именно там мне нужно.

– Толя (пусть так его будет имя), сколько времени займет поездка?

– Где-то час туда, час-полтора там, отобедаем у батюшки и назад.

– Отлично! Ведь мне еще возвращаться сегодня, я полагаю, в Оттаву.

– А может, останетесь, погуляем вечером по Монреалю... Чудесный город!

Веселое времяпровождение обещаю! – с воодушевлением выпалил Толя.

Я только улыбнулся в ответ, но все же добавил после нескладной паузы:

– Толя, мы же договаривались – без начальства – на «ТЫ». – Думаю, он расценил это как согласие.

Приезжаем на место. Малюсенькая церквушка и кладбище с ровными рядами крестов и надгробных памятников. Их здесь около двухсот. Ухожено и чисто. Толя удаляется в церковь и через 5 минут выходит. Говорит, что место встречи перенесли на берег реки. Он спросил, если я могу остаться здесь. Все шло удачно. Именно такой оборот событий был мне на руку. Но я немного недовольно сказал:

– Чем же мне здесь заняться, делать вид, что ищу могилу родственника? – Моя шутка ему понравилась, но он немного нервничал перед встречей с кем-то и поэтому улыбнулся рассеянно как-то.

– Да, наверно, хорошо... Я поеду тогда.

– Толя, спокойно! Соберись... Это просто работа, как у водителя, инженера, врача... Давай! Все будет хорошо. Жду.

Толя уехал. Я зашел на территорию кладбища. По датам захоронений близких к концу 70-х нашел несколько могил. Идя до этого места и другие надгробия, привлекали внимание,

но скорее это был просто интерес – интерес к истории, уважение ушедшего поколения. На некоторых – просто имя и дата смерти – даже не было даты рождения, а некоторые с полными регалиями – типа: есаул такого-то полка покоится здесь. Были кресты с еле читаемыми именами. Не подавая виду, замечаю, как кто-то за мной наблюдает. Останавливаюсь у одной из могил подольше и делаю вил, что пристально изучаю надгробие. Человек покоящийся здесь прожил 92 года. Был кадетом морским. Коллега. Приветствую Вас Ваше Благородие. Задумываюсь, что он мог только видеть за свою долгую жизнь. Огромная история, с обилием событий... Участником каких именно сражений он мог быть. Боковым зрением замечаю движение в мою сторону.

Уже на явный шум приближающихся медленно шагов, я поворачиваюсь. Подходит, недорого, но строго по-профессорски одетый, человек лет 60.

– Месью! Добрый день! Могу чем-то Вам помочь? – спрашивает меня по-французски.

– Добрый день! Спасибо! Я русский. И просто смотрю на могилы воинов моей Родины. Я никого из них не знал. А Вы работаете здесь?

– Я часто здесь бываю. Тут похоронен мой отец и много его друзей. – Уже по-русски с каким-то легким не то акцентом, не то говором отвечает старик. – Павел Петрович! – Представляется он, кивая головой, как офицеры в старых фильмах. Еще бы щелкнул каблуками, подумал я.

– Дмитрий! – представляюсь я не своим именем, – Работник советского, простите, российского представительства торгового флота.

– А что же Вас заинтересовало здесь?

– Хочу, чтобы в России узнали о существовании таких мест и это моя личная инициатива. Мы продолжали медленно передвигаться вдоль крестов и памятников. И я продолжаю.

– Хочу предложить своему начальству обратить внимание... и сделать шаг в сторону сближения... и может в знак почтения памяти...

– Как витиевато Вы выражаетесь, сударь! Вы часом не шпион? Не из коммуняк будете?

– Нет! Но я действительно, пока не знаю что предложить, чтобы от российской стороны было какое-то участие.

– То, что они здесь, уже большое участие вашей стороны.– Съезвил старик.

– Наверно, я бы хотел, чтобы мы с Вами, наконец-то могли сказать друг другу «нашей» стороны. – (И это было правдой, с моей хотя бы стороны).

Проходя мимо одной из надгробий, я успеваю прочесть имя и даты. Фамилия была несколько изменена на русский лад. Но я понял, это могила моего деда. Я не мог показать этому, возможно честному и порядочному человеку, что я нашел то, что искал. Никаких, внешних эмоций. Комок к горлу... Я бы сказал, что плачу от нахлынувшего...

– Вот Вам, молодой человек, моя карточка с телефоном и моим именем. А Вашей, скорее всего, я не получу. Звоните, буду рад, если смогу чем-то помочь. Засим, разрешите откланяться. – Это был легкий южно-русский говор осознал я. Возможно потомок казаков. А ведь он не показал могилу своего отца и не попытался даже рассказать о его друзьях и показать их могилы.

Мы с Павлом Петровичем подошли ко входу или выходу (кому как, наверно). Возвращаться назад уже я не мог – подъехал Анатолий. Выглядело бы это странно для просто осматривающего. Но я теперь знал, под каким предлогом я вернусь сюда не вызывая ни у кого подозрений. Я надеялся, времени будет достаточно для выполнения миссии.

Обедать у батюшки, как обещал Анатолий, мы не стали, а сразу отправились в обратный путь.

– Перекусим где-то по дороге – Наконец выдавил Толя.

– Хорошо. – согласился я.

Обошлись «Тим Хортонсом». Кофе – как бы, сладкие пончики...

Он не рассказал ровным счетом ничего о своей встрече. Я и не настаивал. Мы оба знали, что напишем в своих рапортах об этой поездке.

Вечером гуляли по известным улицам Монреалья, где протекала ночная жизнь. Сан-Дени, Сан-Лоран, Крисцент, Сан-Катрин, ... Пили пиво, текилу, замбуку, зашли в 5-6 известных стриптклубов с прайвйтдансами и уже под утро поели острого китайского супа в не очень чистой забегаловке на Сан-Катрин и пришли в гостиницу где останавливались стюардессы Аэрофлота. По всему угадывалось, что Толя этим маршрутом ходил не раз. «Фарватер» – был изведен. Мы были желанными гостями – из-за разницы во времени они и не спали... Виски с колой, а кто-то и чистый, сократили неловкость начального общения...

Утром, а это было уже ближе к полдню, забрав из консульства очередные «сверхи», и попрощавшись с Анатолием и саркастически улыбающимися молодыми сотрудницами (они как будто все уже знали о прошедшей ночи), я выехал на «форде тоункар» с посольскими номерами в Оттаву, в российское посольство.

Устный доклад. Подробный письменный рапорт о поездке...

В рапорте также изложил подробно о разговоре с Павлом Петровичем. В свете новых веяний, в дальнейшем, мне было приказано встретится с ним. Цель: выявление интересов старой эмиграции. И по возможности найти точки соприкосновения и уровень их влияния. Возможность использования их связей для благоприятного сотрудничества сторон. (Примерно так на несимпатичном конторском лексиконе).

Проходят две недели. Связываюсь с Павлом Петровичем. Договариваемся о встрече на том же месте. Из различных источников узнаю всю возможную информацию об этом человеке. Он работает преподавателем-профессором инженерных наук в одном из университетов Квебека. Из бесед с ним ничего нового не узнаю. Как такого клуба или организации уже не существует в среде бывших соотечественников. Посылают друг другу открытки по русским праздникам, редко встречаются, а поводом чаще служит чье-либо отпевание. Дети их, как правило, даже если хорошо говорят по-русски, но в браках смешанных и уже следующее поколение лишь могло сказать, что дед его был из России, намекая тем самым на свои корни. Так что интересы политического или интереса для спецслужб они уже не представляли.

Все же договариваемся, что он с наиболее влиятельными людьми «старой» эмиграции получит приглашение на прием по случаю какого-нибудь торжества в посольство РФ. Я уже говорю о своей работе в посольстве. Так мы виделись несколько раз. Подолгу ходили между могил. Павел Петрович рассказывал историю многих людей нашедших здесь покой. Можно написать целую библиотеку романов об историях жизней этих людей. Моя же задача была иная, найдя таки подходящий случай, побыть дольше у могилы деда. Разглядывая со всех ракурсов, но стараясь не особо выказывать чрезмерную любопытность, я на нижней плите надгробия нахожу эти цифры 54.34. Все! Моя миссия в этой стране завершена.

«Дед! Я клянусь продолжить твое дело! Я отдаю тебе дань уважения! Преклоняюсь перед тобой! Ты остался верен долгу и присяге! Обещаю привезу частичку родной земли с могилы твоего любимого человека – моей нены (тат. Бабушка)!» – про себя говорю эти слова и выпрямившись по стойке «смирно» мысленно отдаю честь.

Глава 1

... Что ж упивайся, власть талмудной
пыли,
Заняв на время наши храмы и места,
Но помни! Мы не позабыли
Позорного предательства Христа...
А.В. КОЛЧАК

Лето

Очередные каникулы. Лето. Как у большинства ребят периода светлого социализма (середина 70-х) лето делилось на несколько этапов: пионерлагерь, с родителями на море и разные другие опции, выражаясь современным «русским» ...

В виде этой самой опции мне выпадала самая счастливая, самая веселая, добрая и беззаботная пора – в деревне у любимой неней (тат.– бабушка) недалеко от Уфы. Безлимитное счастье : купание, катание на велике без ограничения количества и времени, ночные посиделки у костра с печеной картошкой и наивно страшными, и смешными рассказами. Первое замирание где то внутри от того что рядом с тобой и даже слегка касаясь оказывалась девочка которая тебе, наверно, очень нравилась, но ты же не мог проявить такую “слабость” и признаться самому даже себе, что воля твоя стала пластилином. Я перешел в 7-ой класс. Еще прошлым летом не испытывал подобного: может, сморозил бы какую-то глупость – дернул там за косичку...

Наведывались родители иногда по выходным. Но это совсем не как в лагерь, когда до встречи с ними на тебя уже успевали «настучать» Причина, почему то, всегда находилась. Здесь ты был под мощной защитой неней и все обходилось без малейших замечаний и упреков. И мы с братом, конечно же, пользовались этим. Уходили от прямого ответа на неприятные, как нам тогда казалось, вопросы. Все помнят эти обязательные для прочтения книги, какие то нелепые задания в виде гербариев – среди моих друзей и знакомых я не встречал выполнивших все это. Но порой что то "цепляло " из литературы и не всегда по возрасту, и не из списка.

Отец много работал и даже летом мы видели его редко. Его приезд всегда ждали. Кроме каких-то подарков, было интересно просто подурочиться, побороться или послушать что-то. Он был непревзойденный рассказчик. Часто было трудно понять, он сейчас шутит или рассказывает быль. Нас с братом всегда занимал игрой-проверялкой памяти и внимательности. Игру можно было назвать десять признаков или десять предметов. Надо было запомнить предметы на столе или еще где то и описать, лучше – если назовешь десять отличительных признаков: цвет, форма, размер, возможно, какой то рисунок, скол (царапина) и пр. уже не видя предмет описания. Мы с братом порой споря, наперегонки делали все это. И было так весело, все смеялись. Играю, кстати, до сих пор. Только потом, много лет спустя, я понял, откуда эти тренировки. А помните такую игру: два человека берутся за У-образную кость куриной грудки (не живую конечно) и переламывают ее? С этой минуты начинается игра. Смысл обмануть противника и дать ему в руку что-либо и если он в ответ не говорит: «Я помню», то ты просто восклицаешь – «Жэдечь» (что значит «Я выиграл»). Между моим отцом и одним из родственников игра длилась более 10 лет. Или мы показывали свои новые достижения на турнире или еще что - то в этом духе. Бывало, собиралось много народу – большая родня и мы устраивали турниры по стрельбе из пневматического ружья. Никто никогда не выиграл у отца. (Запись в его военном билете за 1945г. гласила: Воинское звание – ст. лейтенант, Должность – командир взвода, Воинская специальность – снайпер). Было ощущение праздника. Мы были вместе. Я любил это время больше всего. Время, когда не была еще мне ведома скорбь потерь близких, страдания от лишений и прочих невзгод. Казалось, так будет всегда.

Были и дни поскучнее. Лил дождь, холодно и большую часть дня, сожалея о утекающем времени каникул, приходилось оставаться в доме. Тогда читал, ожидая заранее отмеченную в программке-газете передачу. Было всего два канала: первый – показывал плохо, а второй – еще хуже. Но что-то пытались высмотреть. Плюс, если дождь с грозой, то и вообще электричество вырубалось.

В один из таких дождливых дней, я остался с неней. Брат с родителями в городе. Неней что-то, очень вкусно пахнущее, поставила готовиться в печку. Тем временем занялась домашними делами: уборка, мелкая стирка вручную, какая-то перестановка (я пытался помогать). И

вот, она открыла свой огромный, как мне тогда казалось, сундук. Кто когда-либо был в деревенских избах, видел такие сундуки – деревянные, обитые по краям узорными железными накладками (да простят меня мастера сундучные, если я обозвал детали сии неправильно – так не из неуважения, а незнания). Открывался он двумя ключами: один длинный и простой с виду, второй – короткий, но с вычурной формы язычком. При повороте ключей в замках что-то внутри шелкало и раздавалась тихая механическая мелодия. Неней, по «секрету» сказала, что мелодий шесть и звучат они по известной только ей очередности, т.е. установленной изнутри. И она узнает, что кто-то был непрощенный, если прозвучит не та. Но случаев таких (Слава Аллаху) не было.

Отец однажды заметил и спросил неней,

– Как его (сундук) занесли в дом?

– А почему ты спрашиваешь, улым?(тат. – сынок) (Улыбаясь).

– Так он же не войдет ни в одну дверь, ни в одно окно... Плюс – он же не разборный, как я понимаю? Или его сделали уже в доме 200 лет назад, или дом построили вокруг него, когда? – Пошутил загадкой отец. Его стиль.

Никогда до этого не задавался вопросом, когда же был построен дом?

Ответа никто не услышал, что-то всех отвлекло тогда. При мне, по крайней мере, эту тему не обсуждали больше

. Сундук был набит девичьим приданым. Всё в нем было аккуратно сложено. А внутри сундука, помимо основного большого объема, было множество всевозможных отделений, ящичков и встроенных шкатулок. Некоторые из них имели свои замки и маленькие ключики на той же связке, что и два больших. Я никогда так и не увидел содержимое всего сундука, как и открытыми все ящички в нем. В тот день первым, неней достала наряд невесты. С любовью и задумчивой тоской в глазах от нахлынувших, вероятно, воспоминаний положила она его на колени и мягко провела рукой. Зеленая бархатная жилетка была расшита золотыми нитками и бисером. Звонкий перелив, серебряных, похожих на мелкие монетки, украшений с причудливыми изображениями девушек то танцующих, то идущих с высокими кувшинами за водой, наверно, то держащих коней под уздцы, то со львами, то с павлинами и т.д. подчеркивают торжественность его предназначения (как потом я узнал – это было уже влияние башкирского национального наряда). Следующий предмет – шелковое платье бирюзового цвета с золотого цвета оборками на рукавах и юбке. Оно казалось воздушным, празднично нарядным. Тут неней поднимает темно зеленый колпак, который до этого отложила в сторонку, перекидывает шелковую обрамляющую его фату через голову и надевает. Как же преображаются ее небесно-голубые глаза – ясными и игривыми они становятся в раз. За этим блеском даже морщинки как будто исчезли. Я увидел перед собой шестнадцатилетнюю невесту. Неней, я люблю тебя – именно такой буду помнить всю жизнь! От такого преображения я подаюсь вперед и обнимаю родного человека. Неней улыбаясь, гладит добрыми, нежными руками мою голову. Она так и не надела свой наряд. Событие, к чему он был приготовлен, тогда не состоялось.

Оставаясь с колпаком на голове, неней продолжает перебирать аккуратно сложенное свое богатство. Открыв один из множества секретов-ячеек показывает мне пожелтевшие от времени плотные листы с арабской вязью, объясняет, что нужно будет их положить с ней в могилу, когда время придет. Хитро улыбаясь при этом, произносит,

– Многое еще надо успеть, много рассказать, многому научить тебя, улым!

– Неней, а что это?

– Это Коран, улым. Так положено у нас. Надеюсь, не так скоро – опять улыбаясь.

Очередь за следующим боксом (простите за нерусское слово).

– Неней, а что это за письма, от кого? – показываю на исписанные мелким почерком перетянутые синей атласной лентой листочки – они с фронта?

– Разные, но все от кортатая (тат. – дедушка)

– Неней, а ты расскажешь мне о нем? – хотя много раз уже слышал рассказы о войне, о нем. Но, я был готов слушать это бесконечно.

– Обязательно, улым!

Среди прочих бумаг и документов, неней показывает мне толстую тетрадь с потертой, когда-то коричневой и хранившейся долгое время согнутой пополам и от того переломленной обложкой. « Я даже представил, как кто-то, еще не ведомый мне, достает эту тетрадь из внутреннего кармана шинели, разгибает, открывает ее и что-то быстро записывает и убирает обратно, согнув при этом пополам».

– Это, улым, записи. Ты их скоро прочитаешь, но прежде, прежде я должна тебя подготовить. Рассказать суть, того, что тебе уготовано . Это твоя НОША и все с этой минуты в твоей жизни будет посвящено Этому.

– Неней! Ты сейчас говоришь серьезно?

– У тебя будет все как у всех: учеба, какая-то работа, любимая женщина, дети... Но ты всю жизнь, каждую минуту будешь готов к своему предназначению.

– Это что-то смертельное? Страшное? Я буду как самурай? – До этого от отца – и сам читал – слышал о беспредельной верности своему долгу самураев. Не было тогда фильмов об этом и каратэ знали особо продвинутые. Сегодня пятилетний ребенок вам расскажет о ниндзях и прочих самураях больше, чем тогда было в наших источниках.

– Возможно, риск и будет твоим попутчиком в жизни, но верность долгу первейшая и неукоснительная твоя роль в жизни. Самурай – не наше слово, я бы назвала тебя, скорее, батыр, богатырь, витязь или просто воин. Но до этого надо еще много узнать и многого достичь.

Смотрел в изменившиеся ледяные пронизательные глаза неней и чувствовал ее взгляд внутри – за грудной клеткой. Черная точка зрачка в обрамлении красивых голубых и все равно родных глаз, казалась неживой, пугающей сверлящей металлической. Я молчал, понимая, что к чему-то я уже никогда не вернусь. Потерял ощущение реальности. Мысли хаотично бегали ни на чем не фиксируясь или в тот момент, их и не было никаких.

– Но, не об этом сейчас речь – продолжила она, – мы вернемся – и еще много раз об этом будем говорить. Уже то, что ты сейчас увидел и к чему прикоснулся – является большой тайной. Ты сейчас поклянешься никогда и ни с кем, кроме меня и твоего отца это не обсуждать и не рассказывать. Но и многое тебе придется добыть, домыслить и также хранить. А кому все эти знания передать, я тебе объясню...

... Я вспомнил, как три года назад я играл в карты с соседом и мы подрались. Пришла его мать к неней жаловаться на меня.

–... Он же сын инженера, как он мог избить моё невинное чадо?!..– и все в таком духе. Я все слышал и тихо «угорал» от этих слов.

Когда соседка, убежденная что кара в виде ремня или чего подобного меня постигнет после всего, что она выговорила, ушла, со мной была проведена устная беседа. Клятва, которую я дал, не играть в азартные игры, не нарушу никогда. Ведь, я дал ее неней, а если нарушу – это значит, предам ее. Неней уже нет в живых, светлая добрая память, любовь к ней будут со мной – пока, я способен дышать. Думаю, она тогда прочувствовала, что увлечение подобными играми может однажды сильно помешать в жизни. И предвосхитила такую нежелательную ошибку.

Но в этот раз, все было несколько иначе. Вселенская обреченность, неизбежность всего последующего и в то же время, закономерность происходящего сейчас – все это одновременно нахлынуло в мой, уже теперь не детский, мыслительный орган.

Я кладу руку на пожелтевшие листы Корана (не являюсь религиозным фанатиком, но здесь – другое) и повторяю слова клятвы за неней. Теперь, поклялся не только ей, но и Богу и небесам хранить тайну и быть верным долгу. В серьезности происходящего не усомнился ни на грамм, но все было как во сне.

Еще ничего не зная, я уже был причастен к большой тайне, которая могла иметь серьезные последствия для людей, дай Бог, добрые.

– Всё считаешь позже, а сейчас возьми в руки и открой эту тетрадь.

Осторожно беру, открываю обложку – она никак не подписана – и гляжу на первую страницу тетради, которая изменит мою будущую жизнь, посвященной сохранению и возможно, при определенных ситуациях, передачу какой-то тайны.

(Страница была исписана порой неразборчиво, с –Ъ на конце некоторых слов, с Е – тоже похожей на Ъ с палочкой, и с некоторыми И – I с точкой, со сносками, сокращениями и какими-то то ли схемами, то ли картинками во время мыслительного процесса. Поэтому здесь я позволил себе много доработать до понятного восприятия весь дневник. На это ушло несколько лет).

1918 год (это дописка моя, следует из последующих событий) (Несколько листов начала тетради вырваны – видны неровные края их)

20 сентября 2 буксира готовы. Баржу усилили еще двумя пушками Hotchkiss (было написано латиницей) ночью выходим.

В команде 43 моряка. Все проверенные и прошедшие со мной горнило войны с германцами на Балтике. Трех мичманов – еще с северных походов. Опытнейшие моряки. Но предстоит выполнение задачи на другой воде. Река имеет свои особенности, поэтому с нами два речных капитана, работавших до сей поры в фирме купца Стахеева Николая Дмитриевича. Капитаны опытные, не один десяток лет отходившие навигацию по нужному нам маршруту.

В механических мастерских Каткова под Елабугой в селе Мысовы Челны и подготовили нашу экспедицию..

2 буксира с мощными силовыми установками и осадкой позволяющей в это время года пройти без затруднений весь путь. Оснастили мы их по одному 76 мм орудием Lender на носу и двумя 47 мм пушками Hotchkiss – на баке и корме

Баржу же вооружили как плавучую крепость – предстояла серьезная операция.

На баке два 130 мм орудия и одна на корме. На баке с каждого борта по Lender и четыре Hotchkiss по два на каждый борт. Оборудовали, по совету пехотных офицеров, четыре укрепления из мешков с песком под два станковых пулемета в каждом. Баржу, помимо боезапаса и мазута загрузили досками, бревнами, швартовыми концами и пр. для изготовления погрузочных трапов. Боцманская команда не требовала контроля, лишь старший, мичман доложил о количестве по списку. Для принятия на борт баржи конные казахи разъезды при переправах, уже были изготовлены трапы-сходни и заостренные деревянные столбики под кнехты на необорудованных берегах. Два конных разъезда по 10 казаков оренбургского воинства с запасными лошадьми должны будут сопровождать весь путь. Среди казаков несколько храбрых башкирцев знающих местность и язык, если будет необходимо.

Бои сюда не дошли, но рисковать было нельзя – слишком серьезная миссия нам предстояла. Хотя в устье Камы уже проходили столкновения с речной флотилией красных.

Разрозненные банды красно-жидовского воинства могли просочиться, да и простой (не военный) люд объединялся для защиты своих территорий, запасов хлеба, а чаще для лихих набегов.

Огромная территория Предуралья и бассейна Волги не спокойна в эти дни. Ижевск и Пермь атаковала армия красных. Из телеграфных донесений я знаю и о бунте чешского корпуса под Уфой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.